

Обустройство России: вызовы и риски

СУРГУЛАДЗЕ Вахтанг Шотович — кандидат философских наук, ведущий эксперт Аналитической группы «С.Т.К.», старший преподаватель кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125167, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49/2; bafing@mail.ru)

ТРИ ВЕЛИКИХ МЕССИАНСКИХ ПРОЕКТА РОССИИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ, НАВЕЯННЫЕ СТАТЬЕЙ ПОЛЬСКОГО ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА

Аннотация. Актуальность исследования этапов формирования российского мессианизма обусловлена вышедшей в мае 2022 г. программной статьей премьер-министра Польши М. Моравецкого, направленной на дискредитацию концепции русского мира и подрыв потенциала «мягкой» силы» России. В. Сургуладзе выделяет два великих мессианских проекта России: 1) борьбу за освобождение православного мира и панславянское единение времен Российской империи; 2) попытку построения первого в мире пролетарского государства, создатели которого предполагали глобальные перспективы общемировой советизации. Делается вывод, что мессианские устремления – закономерный аспект геополитической и идейно-политической субъектности и суверенитета великой державы. Автор считает, что геополитическая сущность РФ, задачи обеспечения ее национальных интересов и национальной безопасности предполагают наличие соответствующей мировоззренческой базы и делают правомерной постановку вопроса о третьем великом мессианском проекте России.

Ключевые слова: политика идентичности, русский мессианизм, великие мессианские проекты России, попытки дискредитации российской истории и русского мира, информационное и идеологическое противоборство

Сегодня тема раскрытия содержания и потенциала российского мессианизма важна в силу того, что в идейно-политической сфере, в глобальном информационном пространстве однополярного мира, сложившегося после дезинтеграции СССР, безраздельно доминировали американские мессианские устремления, мифологемы «града на холме» и «избранной нации», на контрасте с агрессивным позиционированием которых альтернативные образы видения будущего вытеснялись из информационного пространства, памяти и сознания людей. Символическим примером апофеоза самоотречения России от собственного мессианского наследия может служить печально известное выступление Б.Н. Ельцина в конгрессе «великой свободной страны» США 17 июня 1992 г., завершённое словами: «Господи, благослови Америку!»¹. Между тем характер представлений о национально-государственной миссии – важный показатель идейно-политической зрелости и субъектности государства, состояния измерений его культурного, гуманитарного, ценностного суверенитета.

В истории российской общественно-политической мысли известны два великих мессианских проекта России. Первый – вековая борьба за освобождение единоверных народов на идеологической основе, постепенно прораставшей на московской почве концепции «Москва – третий Рим», на пике развития сочетавшей в себе как мощный религиозный компонент, так и представления о панславянском единстве. Данное мессианское идейно-политическое течение отражено в значительном массиве работ, в частности, оно

¹ Ельцин Б.Н. (17.06.1992). Выступление в конгрессе США: «Господи, благослови Америку! И Россию» (текст и видео). Доступ: <https://mediamera.ru/post/25615> (проверено 28.12.2023).

ярко изложено в произведениях Н.Я. Данилевского [Данилевский 2003] и Ф.М. Достоевского [Достоевский 2003]. Представления о Святой Руси, русском народе-богоносце, «русском всечеловеке», контуры доктрины «православие, самодержавие, народность» [Уваров 2010; Сургуладзе 2010: 314-315; Гайда 2021] в значительной степени базируются на социально-политических и мировоззренческих интерпретациях ценностей православного христианства.

Несмотря на противоречия российского православного мессианизма и русского византизма [Леонтьев 1993] эллинистическим притязаниям «великой греческой идеи» (Мегали Идэа – Μεγάλη Ιδέα) [Успенский 2001; Рансимэн 2006: 382-383], а также проблемы панславистского мессианства, связанным со сложными взаимоотношениями со славянскими народами католического вероисповедания, прежде всего поляками¹ и подданными Австро-Венгерской империи², внешняя политика Российской империи уверенно направлялась по курсу реализации глобальной православной миссии. Именно в этом ключе оценивали российскую внешнюю политику и западные дипломаты, опасавшиеся окончательного, позитивного для России решения «восточного вопроса» – овладения вторым Римом – Царьградом-Константинополем, проливами Босфор и Дарданеллы, водружения креста на храме Святой Софии [Тарле 1941–1943].

Революция 1917 г. положила конец первому великому мессианскому проекту России, в ходе реализации которого военными и дипломатическими усилиями были освобождены от османского владычества территории Греции, Молдавии, Румынии, Сербии, Болгарии, Черногории, а часть народов, например христианская Грузия, вошли в состав Российской империи.

Вторым великим мессианским проектом России явилась реализация грандиозного советского эксперимента по построению первого в мире пролетарского социалистического государства, в перспективе долженствовавшего перерасти в глобальный союз народов Земли. По прихоти судьбы данный мессианский проект начинался не как российский, а как интернациональный; он инициировался на базе резкого отрицания всего духовно-нравственного и идейно-политического наследия царской и императорской Руси/России [Сургуладзе 2017; 2021]. Однако в условиях затянувшегося ожидания мировой революции, нарастания в среде большевиков внутрипартийных противоречий, связанных с вопросом приоритетов стратегии дальнейшего развития Советского государства, возобладала сталинская концепция построения социализма в отдельно взятой стране.

Этот поворот означал ориентацию на собственные силы, ознаменовал конец надежд на то, что в обозримой перспективе в мире могут возникнуть иные центры глобального революционного пожара, на появление которых рассчитывали В.И. Ленин и его соратники в первые постреволюционные годы.

Однако западные политики по-прежнему воспринимали Советский Союз в качестве продолжения исторического Российского государства, западные, прежде всего англосаксонские, геополитические концепции сдерживания которого не претерпели существенных изменений, поскольку континентальная сущность территориально интегрированного государства сохранялась: Хартленд по-прежнему оставался Хартлендом [Маккиндер 2021]. В западной прессе, публицистике, научной литературе Советский Союз нередко продол-

¹ См. стихотворение А.С. Пушкина «Клеветникам России» [Пушкин 1969: 348-349].

² «На кой нам прах эти чехи!» – писал по этому поводу К.Н. Леонтьев в главе III «Византизма и славянства» «Что такое славизм?» [Леонтьев 1993: 44].

жали именовать Россией, не вдаваясь в правовые тонкости федеративного устройства Советского государства.

В 1943 г. был распущен Коминтерн. Несмотря на все противоречия советской национальной политики, связанные с коренизацией [Хоскинг 2012], проблемами параллельной реализации этнического нациестроительства на местах и наднациональной политики идентичности, ориентированной на создание общесоветского патриотизма в масштабах всего государства, постепенно появились основания говорить о «сталинском русоцентризме» [Бранденбергер 2017], возвращении политики Советского Союза в русло имперского государства Романовых. Именно в этом преемственном ключе представлялась многим западным наблюдателям глубинная сущность «красной империи»: «Как под Распятием, так и под серпом и молотом Россия – все еще “Святая Русь”, а Москва – все еще “Третий Рим”», – писал британский историк Джозеф Тойнби в «Цивилизации перед судом истории» [Тойнби 2003: 381].

Тем не менее идейно-политические основания Советского государства сильно отличались от имперских идеологических подходов предшествовавшего исторического периода: фундаментом нового мессианского проекта советской России служило не религиозное основание, а марксистско-ленинская теория построения прогрессивного и справедливого социально-экономического и политического мирового порядка, созидание которого предполагало следование «железным законам» исторического материализма, классовой интерпретации социально-политических процессов. В ходе реализации второго великого мессианского проекта, стержнем которого по-прежнему выступала Россия/РСФСР, Советскому Союзу удалось на определенное время стать признанным лидером значительной части незападного мира, моделью модернизации, социально-экономического, культурного и политического развития, альтернативной западной.

По окончании Великой Отечественной войны СССР и союзники по антигитлеровской коалиции заложили основы Ялтинско-Потсдамского мирового порядка, характерной особенностью которого являлось формирование двухполярного мира, центрами которого стали Советский Союз и США.

Неотъемлемой составляющей идеологии советского мессианского проекта была ориентация на построение альтернативной западной, справедливой модели социально-экономического развития и гармонизацию общества. Ориентация идеологии советского государства на ценности социальной справедливости, активная работа по продвижению этих ценностей на международной арене, равно как и несомненные успехи СССР в сферах науки, технического развития и образования, основной вклад в победу над нацизмом во Второй мировой войне снискали Советскому Союзу заслуженный авторитет в мировой политике.

Кроме того, второй великий мессианский проект России был связан не только с продвижением на международной арене идей социальной справедливости, победой над нацизмом и глобальной борьбой с разнообразными политическими режимами фашистского типа, но и с поддержкой процессов деколонизации, национально-освободительных движений по всему незападному миру.

Оба великих мессианских проекта России – имперский православный и советский социалистический – свидетельствуют об особой роли России в мире, ее геополитической и идейно-политической субъектности, даже принимая во внимание все внутренние потрясения и противоречия, обнаруживающиеся при изучении процесса их становления, развития и этапов практической реализации.

Несмотря на упразднение Петром I патриаршества и учреждение Синода, несмотря на мировоззренческое и идейно-политическое противостояние западников и славянофилов, внешне- и внутривнутриполитические мотивы государственной политики выстраивались в русле православно-панславистского мессианского проекта. Точно так же и перипетии Гражданской войны, трагедии, пережитые в период становления Советского Союза, никоим образом не отразились на восприятии России в качестве потенциального мирового центра силы, угрозы западному доминированию, о чем свидетельствует политика Великобритании и Франции по созданию антисоветского санитарного кордона (*cordon sanitaire*) из государств-лимитрофов после окончания Первой мировой войны, а затем и активная политика западных «демократий» по формированию и поддержке разнообразных политических режимов фашистского типа, ориентированных на борьбу с советской мессианской идеологией и подготовку прямой агрессии против СССР [Сургуладзе 2021].

Важно отметить, что советский мессианский проект оказался для Запада намного страшнее, поскольку, в отличие от православно-панславистского прочтения мировой миссии России, «красный мессианизм» полагался на значительно более обширный фундамент теоретических положений, обосновывавших поистине всемирно-исторические, универсалистские притязания Советского государства, не ограниченные культурно-историческими рамками православной цивилизации, панславизма или русского мира. В этом отношении марксизм-ленинизм оказался достойным порождением западной цивилизации, традиционно претендовавшей на глобальное универсальное значение, подтверждавшееся достижениями научно-технического прогресса, эффективностью и общим превосходством избранного пути социально-экономического и политического развития.

Дезинтеграция Советского Союза, характеризовавшаяся социальной anomией, морально-нравственным упадком и закономерным после болезненного провала второго великого мессианского проекта неверием общества в собственные силы, привела к тридцатилетию идеологического вакуума и фактическому отказу России от самостоятельной роли в формировании не только социально-экономической, но и идейно-политической сферы. После печально известного заявления Андрея Козырева, что «у России нет национальных интересов», попросившего у бывшего президента США Ричарда Никсона помочь определиться с национальными интересами Российской Федерации в условиях, когда ее политики больше думают не о своей стране, а об «общечеловеческих ценностях» [Примаков 2015: 192], у политического руководства страны долго отсутствовал серьезный запрос на формирование консолидирующей общество мировоззренческой модели. Вера в универсальность западных ценностей, обаяние «мягкой силы» западных бизнес-кругов, возможность элиты сосредоточиться на сколачивании миллиардных состояний за счет приватизации и разграбления советского наследия, надежда на возможность интеграции российского истеблишмента в западный мир препятствовали как государственному стратегическому планированию, так и ориентации на защиту национальных интересов и выработке системы ценностных координат, понятной и российским гражданам, и представителям иностранных государств.

В этот период разговоры о миссии России в мире если и велись, то в обособленных кругах патриотического спектра, находившихся на периферии общественного внимания и внимания представителей политического истеблишмента. Более того, после изживания двух великих мессианских проектов

и болезненной социокультурной трансформации российского общества постсоветского периода сама постановка вопроса о миссии России воспринималась либо скептически, либо откровенно враждебно.

На контрасте с таким положением вещей недоумение вызывали многочисленные публикации в западной прессе и даже научных изданиях, посвященные российским «неоимперским амбициям», «реваншистским настроениям», наличию в России «идеократического авторитарного» или даже «тоталитарного» режима с прямым сопоставлением «путинизма» со сталинизмом. Однако сравнительный анализ публичных заявлений В.В. Путина и доктринальных документов государственного стратегического планирования 1990-х – нулевых годов, включая Концепции внешней политики, Стратегии национальной безопасности, многочисленные послания Президента РФ Федеральному собранию этого периода, свидетельствует об обратном и выявляет как раз пассивность Российского государства в информационно-идеологической сфере, имевшее место длительное самоустранение власти от системной работы по ценностной консолидации общества [Сургуладзе 2022].

Однако даже в условиях объективного пренебрежения реализацией политики национально-государственной идентичности Российской Федерации удалось постепенно обрести репутацию не только весомого центра глобального военно-политического влияния, но и государства – хранителя традиционных ценностей. Немалый вклад в подобное восприятие России непреднамеренно внесли агрессивные представители крайне либеральных идеологических течений коллективного Запада, сосредоточенные на подрыве и ликвидации любых складывавшихся веками представлений о человеческих ценностях, социальных добродетелях и достоинстве.

Политическое возрождение не может быть без возрождения морально-нравственной, мировоззренческой зрелости политикума и социума. Именно поэтому в восприятии геополитических врагов России РФ немиссия и идеологии. Примером служат активно тиражировавшиеся, но не подтвержденные фактами опасения мнимой (во многом носящие характер западного самосбывающегося пророчества) идеократии российского политического режима, обусловленные многими факторами: 1) объективным, на протяжении веков востребованным на Западе спросом на русофобию; 2) текущей внешнеполитической конъюнктурой, вызванной ростом международного влияния России и ослаблением коллективного Запада; 3) объективным геополитическим и культурно-историческим, цивилизационным значением РФ, делающим немиссия предположения о том, что государство с таким международным статусом может существовать без опоры на собственный кодекс ценностей, свою идеологию и систему опорных точек национально-государственной идентичности.

На Западе всегда боялись российской идеологии и мировоззрения. Боялись даже тогда, когда они отсутствовали, в периоды морального упадка и «психологического разоружения», один из которых настиг российское общество в 1990-е – нулевые постсоветские годы. Боятся, потому что отлично осознают потенциал идейно-политической консолидации общества, констатировавшуюся К. Марксом и В.И. Лениным материальную силу моральной убежденности, прекрасно помнят, что предпосылки дезинтеграции СССР вызревали на почве разложения ценностной сферы, когда в условиях дискредитации изжитых идеологических постулатов КПСС сознание советских граждан заняли пришедшие извне мифы о демократии, рыночной экономике и правах человека, заместившие цен-

ности защиты национальных интересов, безопасности, суверенитета и служения Родине.

Понимание того факта, что именно в сфере ценностей Россия может бросить и уже бросает самим фактом своего существования вызов западному доминированию, регулярно проявляется в публикациях западных экспертов и политиков. В то время как в России на протяжении постсоветских десятилетий высказывалась критика отсутствия в государстве проработанных мировоззренческих концепций и подробного описания сущности русского мира, в оценках западных экспертов уже одна постановка подобных вопросов вызывала реакции, близкие к истерике.

В высшей степени показательна в данной связи статья премьер-министра Польши Матеуша Моравецкого, опубликованная в британской газете *Daily Telegraph* 10 мая 2022 г. под броским заголовком «Чудовищная идеология России должна быть побеждена»¹.

На первый взгляд этот небольшой политический памфлет выглядит как пароксизм откровенной болезненной русофобии. Однако если попытаться преодолеть пронизывающую буквально каждую строчку этого текста ненависть и, не поддаваясь эмоциям, проанализировать написанное, то вывод из сказанного становится ясен. По сути польский премьер написал программную, доктринальную статью об угрозе русского мира и духовно-нравственных ценностей России для западного доминирования. Также показательно, что одиозная статья была приурочена к празднованию в России Дня Победы в Великой Отечественной войне.

М. Моравецкий констатирует, что «конец истории» в интерпретации Ф. Фукуямы не произошел, и идеологии по-прежнему влияют на мир. Ярчайшим примером этого он считает идеологию русского мира, неотделимо связанную с памятью россиян о вкладе в победу над нацизмом и верой русского народа в свою особую историческую миссию. В этих обстоятельствах, по мнению польского автора, Запад должен не только поддерживать Украину в борьбе с Россией, но и уничтожить «новую идеологию» России как важнейшую угрозу его глобальному доминированию.

Учитывая тот факт, что в постсоветской России государство на протяжении 30 лет уклонялось от системного патриотического воспитания и реализации активной политики национально-государственной идентичности [Патриотическое воспитание... 2015], выдвинутые утверждения о наличии российской идеологии выглядят малообоснованными. Однако польскому автору удалось уловить намного более важную, чем наличие формализованной государственной идеологии, суть консолидирующих российское общество ценностей, среди которых важнейшим морально-нравственным фактором, ключевой консолидирующей социум опорной точкой национально-государственной идентичности выступает память о Великой Победе [Сургуладзе 2022: 610-612].

Беспрецедентные жертвы, принесенные народами Советского Союза на алтарь Победы над нацизмом, объективно являются важнейшим легитимирующим фактором влияния и авторитета России в международных отношениях. На достижении Победы основана и историческая роль СССР в построении послевоенного Ялтинско-Потсдамского мирового порядка.

¹ Morawiecki M. Russia's monstrous ideology must be defeated. It is the equivalent of 20th-century communism and nazism – and it poses a deadly threat to Europe. – *Daily Telegraph*. 10.05.2022.

М. Моравецкий пишет о необходимости уничтожить идеологию русского мира, отрицает особые заслуги России перед человечеством, связанные с победой над нацизмом, мотивируя это отрицание фактом вхождения Восточной Европы в сферу влияния СССР. Однако именно народы Советского Союза понесли наибольшие жертвы во Второй мировой войне, и уж точно отрицать заслуги России не следует представителям Польши, заключившей с нацистской Германией в 1934 г. пакт Гитлера-Пилсудского о ненападении (Декларация Германии и Польши о неприменении силы), а затем принявшей прямое участие в дележе территории Чехословакии после позорного Мюнхенского сговора 1938 г., результатом которого стало «умиротворение» Гитлера коллективным Западом в лице «демократических» Великобритании¹ и Франции при участии фашистской Италии в надежде на будущую экспансию Третьего рейха на Восток, грядущую войну Германии против СССР [Майский 1962; 1987]. Фактически Польша вместе с нацистским рейхом делила территорию Чехословакии, предъявив последней ультиматум об уступке Тешинской области [Платошкин 2017; Зубачевский 2022]. Отказалась Польша и пропустить Красную армию на помощь Чехословакии [Верт 1967], способствовав срыву попыток предотвращения гитлеровской агрессии в зародыше. В данной связи практически ко всем пунктам исторических претензий польского деятеля к России полностью применима поговорка о воре, на котором шапка горит.

Статья М. Моравецкого демонстрирует стратегию польского политикума, направленную на подрыв международного авторитета России. Наряду с Польшей в этой подрывной работе активно участвуют и другие государства коллективного Запада. Эта информационная и идейно-политическая борьба против России осуществляется по четырем направлениям: 1) дискредитация истории советской России, 2) десакрализация роли СССР во Второй мировой войне, 3) подрыв легитимности восприятия Российской Федерации в качестве государства, справедливо занимающего свое место в мировом порядке, сложившемся по итогам Великой Отечественной / Второй мировой войны, 4) отрицание права России на самостоятельную политику и собственную миссию в мире.

Статья М. Моравецкого в откровенной, не прикрытой какими-либо приличиями форме демонстрирует суть политики коллективного Запада по системному подрыву ценностного, гуманитарного, культурного суверенитета и «мяг-

¹ В данной связи в высшей степени показательной является оценка позиции западных «демократий», и прежде всего Великобритании, данная лидером фашистской Португалии А. Салазаром в состоявшейся 13 марта 1937 г. беседе с польским послом в Лиссабоне Карлом Дубич-Пентером, перехваченной советской разведкой. Премьер-министр Португалии выразил солидарность с польскими оценками коммунистической угрозы, проявил заинтересованность в польском опыте борьбы с агитацией Коминтерна, а самое главное выразил сожаление, что власти Великобритании никак не могут решиться возглавить силы фашизма в борьбе с мировым коммунистическим движением. Польский посол, в свою очередь, уверил А. Салазара, что пакт о ненападении, заключенный Польшей с нацистской Германией, снижает угрозу войны в Европе и был удивлен тем, что немцы иначе информировали А. Салазара по вопросу о функционировании «Польского коридора» (*Секреты польской политики 1935–1945 гг.* (сост. Л.Ф. Соцков). М.: РИПОЛ классик. 2010. С. 173–177). Не менее показательным отношением к нацистской Германии и СССР, высказанным резидентом американской военной разведки в Латвии: «Поражение Британии, разумеется, нежелательно для Америки, но поражение Германии это уже полная катастрофа для Европы, тогда она будет немедленно советизирована. Это еще менее желательно для Америки» (Архив СВР России. Президентская библиотека. Доступ: <https://www.prlib.ru/item/1323054?mode=archive> (проверено 28.12.2023).

кой силы» России. Осознавая системообразующее значение памяти о Великой Отечественной войне для идейно-политической консолидации российского общества и российской национально-государственной идентичности, на Западе десятилетиями проводят политику по уничтожению следов советского наследия. Именно с этим связаны и варварские акции по сносу памятников советским солдатам, и чествования легионеров СС в Прибалтике, и пестование нацизма на постсоветской Украине. Как и в первой половине XX в., коллективный Запад для борьбы с Российским государством прибегает к апробированным методам поддержки нацизма. Активно поддерживается Западом и переписывание на постсоветском пространстве общесоюзной истории, ориентированное на виктимизацию сознания населения бывших союзных республик [Сургуладзе 2023], воспитание в них фактически равнозначного русофобии антисоветизма, переинтерпретацию героического общего советского прошлого и подвигов предков в виде нарративов о «чужой войне» и «колониальном режиме».

Исторический опыт свидетельствует, что великие мессианские проекты бывают губительными, приводят к перенапряжению и расточению сил, однако они же мотивируют общество к развитию, укрепляют его стойкость перед лицом внешних вызовов и угроз. Кроме того, мессианские устремления – свидетельство наличия у общества и государства определенного политического и духовного потенциала, культурного, гуманитарного, ценностного суверенитета.

Сказанное приводит к выводу, что Россия в сложившемся виде не только не может существовать иначе как самостоятельный и максимально суверенный геополитический центр силы, но и не может полноценно существовать без явно выработанных идейно-политических ценностных установок, мировой миссии, выражающейся в ясно постулируемой приверженности определенным принципам, морально-нравственным ценностям и установкам.

В данной связи уместно говорить о третьем мессианском проекте России – защите сложившихся традиционных для большинства мировых религий ценностей и цивилизационного равноправия всех народов мира. Именно такой видит РФ представляющий мировое большинство незападный мир [Караганов, Крамаренко, Тренин 2023].

Понимаемый таким образом третий великий мессианский проект России является логическим продолжением предшествовавших мессианских проектов, сочетающим исторические мессианские устремления империи Романовых и советского построения справедливого социально-экономического и политического мирового порядка, приведшего к борьбе с силами западного империализма и капиталистическим порабощением незападного мира альянсом государств коллективного Запада, позднее трансформировавшейся в борьбу с антисоветскими политическими режимами фашистского типа.

После опыта двух великих мессианских проектов, реализовывавшихся Российской империей и Советским Союзом, РФ важно не утратить связанное с ними позитивное наследие, сосредоточиться на обеспечении собственных национальных интересов и национальной безопасности в ценностной, социокультурной, гуманитарной сферах, решать вопросы демографии, поскольку именно люди являются носителями цивилизационных ценностей, обеспечить преемственность памяти граждан о прошлом и соответствующую государственную информационную политику и политику национально-государственной идентичности. Только в случае укрепления этой внутренней нематериальной «мягкой силы» России можно быть уверенными в устойчивости

национальной безопасности и защиты национальных интересов в «жестких» сферах, а также укрепить авторитет Российского государства на международной арене в качестве опоры традиционных для большинства человечества представлений о легитимности, справедливости и достоинстве.

Статья М. Моравецкого – яркое свидетельство боязни коллективным Западом именно этого сценария развития России, боязни дальнейшего осознания обществом и государством самостоятельной ценности российской духовности не только для собственных граждан, но для мира в целом. Ценностная экспансия России, ее идеологическая, мировоззренческая самостоятельность и привлекательность пугают Запад ничуть не меньше материальной мощи.

Укрепление российской самобытности, привлекательной для остального мира социокультурной и цивилизационной идентичности РФ как государства-цивилизации и ковчега традиционных ценностей, можно считать третьим мессианским проектом России, даже мысль о котором пугает исторических недругов Российского государства. В этом же ряду находится задача сохранения исторической памяти, недопущения тенденциозного искажения истории, поскольку политические режимы фашистского типа были порождением западной культуры, и именно коллективный Запад несет за них ответственность. Память о роли Советского Союза в Победе во Второй мировой войне, память о преступлениях нацизма являются важными опорными точками национально-государственной идентичности российского общества. Поддержание этой исторической памяти – важнейший вопрос обеспечения национальной безопасности и суверенитета России в духовно-нравственной и культурно-ценностной сферах.

По наследству от Советского Союза перешла к современной России миссия гармонизации мирового порядка, сдерживания агрессивной военной, политической и духовной экспансии Запада. Российские элиты позднесоветского и постсоветского периода всеми силами пытались избежать этой миссии. Однако имеющийся исторический опыт показал, что, отказываясь от нее, Россия отказывается от самой себя, своих фундаментальных национальных интересов и суверенитета во всех измерениях государственного и общественного бытия, поскольку не может существовать в ином качестве, кроме самобытного суверенного центра геополитического и идейно-политического могущества. А это значит, что, несмотря на все издержки и трудности самостоятельного мессианского пути, альтернативой ему могут быть только значительно более болезненные сценарии социальной и политической трансформации, чреватые утратой суверенитета и дезинтеграцией.

Список литературы

Бранденбергер Д.Л. 2017. *Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.)*. 2-е изд. М.: Политическая энциклопедия. 407 с.

Верт А. 1967. *Россия в войне 1941–1945*. М.: Прогресс. 774 с.

Гайда Ф.А. 2021. Идея нации в триаде графа С.С. Уварова. — *Вопросы национализма*. № 1(33). С. 155-161.

Данилевский Н.Я. 2003. *Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому*. М.: Известия. 608 с.

Достоевский Ф.М. 2003. «Человек есть тайна...» М.: Известия. 576 с.

Зубачевский В.А. 2022. *Германо-польское сотрудничество и политика СССР на востоке Центральной Европы (1930–1939)*. М.: Политическая энциклопедия. 112 с.

- Караганов С.А., Крамаренко А.М., Тренин Д.В. 2023. *Политика России в отношении Мирового большинства*. М.: ВШЭ. 44 с.
- Леонтьев К.Н. 1993. *Избранное*. М.: Рарогъ; Московский рабочий. 400 с.
- Майский И.М. 1962. *Кто помогал Гитлеру*. М.: ИМО. 198 с.
- Майский И.М. 1987. *Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг.* 2-е изд. М.: Международные отношения. 784 с.
- Маккиндер Х. 2021. *Географическая ось истории*. М.: АСТ. 288 с.
- Патриотическое воспитание молодежи в Российской Федерации: состояние, актуальные проблемы и направления развития* (сост. В.Г. Елизаров). 2015. М.: Совет Федерации ФС РФ. 207 с.
- Платошкин Н.Н. 2017. Забытый пособник Гитлера. Оккупация Польшей территории Чехословакии в 1938 году. — *Военно-исторический журнал*. № 1. С. 3-9.
- Примаков Е.М. 2015. *Встречи на перекрестках*. М.: Центрполиграф. 608 с.
- Пушкин А.С. 1969. *Собрание сочинений в шести томах*. М.: Правда. Т. 1.
- Рансимэн С. 2006. *Великая Церковь в пленении. История Греческой церкви от падения Константинополя в 1453 г. до 1821 г.* СПб: Изд-во Олега Абышко. 464 с.
- Сургуладзе В.Ш. 2010. *Грани российского самосознания. Империя, национальное сознание, мессианизм и византизм России*. 2-е изд. М.: W. Vafing. 480 с.
- Сургуладзе В.Ш. 2017. Национальное государство как ступень в развитии капитализма в произведениях В.И. Ленина и дискуссиях марксистов по национальному вопросу. — *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. Т. 7. № 3(27). С 11–17.
- Сургуладзе В.Ш. 2021. К истории идеологического противоборства межвоенного периода: Коминтерн и Антикоминтерн в контексте борьбы мирового коммунизма и политических режимов фашистского типа. — *Вопросы национализма*. № 33. С. 176-209.
- Сургуладзе В.Ш. 2022. *Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности. Трехчастная модель государственной политики: ценностный суверенитет, опорные точки идентичности, деятельностная концепция нации*. М.: Аналитическая группа «С.Т.К.». 960 с.
- Сургуладзе В.Ш. 2023. Виктимизация идентичности: проблема деидентификации и десуверенизации социогуманитарной сферы. — *Власть*. Т. 31. № 6. С. 116-126.
- Тарле Е.В. 1941–1943. *Крымская война*. В 2 т. М.—Л.: Государственное военноморское издательство НКВМФ Союза ССР.
- Тойнби А.Дж. 2003. *Цивилизация перед судом истории*. М.: Айрис-пресс. 590 с.
- Уваров С.С. 2010. *Избранные труды*. М.: РОССПЭН. 720 с.
- Успенский Ф.И. 2001–2002. *История византийской империи*. В 5 т. М.: Астрель.
- Хоскинг Дж. 2012. *Правители и жертвы: Русские в Советском Союзе*. М.: Новое литературное обозрение. 544 с.

SURGULADZE Vakhtang Shotovich, Cand.Sci. (Philos.), Leading Expert of the Analytical Group «S.T.C.», Senior Lecturer of the Chair of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125167; bafing@mail.ru)

THREE GREAT MESSIANIC PROJECTS OF RUSSIA: REFLECTIONS INSPIRED BY THE ARTICLE OF THE POLISH PRIME MINISTER

Abstract. *The relevance of the study of the stages of the formation of Russian messianism is due to the program article by Polish Prime Minister M. Morawiecki published in May 2022, dedicated to discrediting the concept of the Russian world and the main directions of undermining the potential of Russia's soft power. Surguladze identifies two great messianic projects of Russia: 1) the struggle for the liberation of the Orthodox world and pan-Slavic unity during the Russian Empire; 2) the attempt to build the world's first proletarian state, the creators of which assumed global prospects for Sovietization. It is concluded that messianic aspirations are a logical aspect of the geopolitical and politico-ideological subjectivity and sovereignty of the great power. The author believes that the geopolitical essence of the Russian Federation, the tasks of ensuring its national interests and national security presuppose the existence of an appropriate ideological base and make it natural to raise the question of the third great messianic project of Russia.*

Keywords: *identity politics, Russian messianism, great messianic projects of Russia, attempts to discredit Russian history and Russian world, informational and ideological confrontation*